технические приемы вышивок, вытеснение вышивки отделкой из тканей и др., с которыми мы столкнулись при рассмотрении каракалпакской одежды, актуальны и для изучения истории одежды народов всего среднеазиатско-казахстанского региона в плане разрешения этнических проблем регионального масштаба, выявления этнокультурных связей местных народов. Изучение таких вопросов во многом только начинается. Работа над «Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана», несомненно, будет способствовать их решению.

Г. Е. Афанасьев

ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ БУРТАСОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VIII — НАЧАЛЕ X В.

Открытие в конце XIX в. салтово-маяцкой культуры явилось значительным событием в изучении древностей Восточной Европы. С первых шагов исследования Верхнесалтовского катакомбного могильника на Северском Донце и Маяцкого городища на Дону — памятников, положенных в основу выделения этой культуры (позже — лесостепного варианта этой культуры), развернулась дискуссия об этнической принадлежности ее носителей. Ряд крупных ученых, указывая на сходство открытых памятников с аланскими древностями Северного Кавказа, видели в носителях салтово-маяцкой культуры алан (А. А. Спицын, Ю. В. Готье). Другие полагали, что эта культура принадлежала хазарам (Д. Я. Самоквасов, Д. И. Багалей, В. А. Бабенко), венграм (Н. Феттих, В. Арендт) или шведам (Г. Вернадский).

Благодаря исследованиям М. И. Артамонова, Н. Я. Мерперта, И. И. Ляпушкина и С. А. Плетневой выяснилось, что салтово-маяцкая культура неоднородна, в ней выделяются локальные варианты, связанные в той или иной степени с определенными этносами и в совокупности характеризующие культуру населения Хазарского каганата в целом. Сейчас уже не подлежит сомнению, что лесостепной вариант этой культуры сформировался на основе аланской культуры Северного Кавказа, но ее носителями в лесостепной зоне кроме алан были также болгары и еще какое-то население, практиковавшее обряд трупосожжения.

Однако археологические данные об обитании алан в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья почти не находили до настоящего времени хронологически соответствующих параллелей в письменных источниках. Как справедливо отметила С. А. Плетнева, «богатый, развитой и воинственный народ как будто совершенно не участвовал в общеевропейской жизни. Это наводит на мысль, что имя аланов скрыто (разрядка наша.— *Г. А.*) в источниках под каким-то другим общим названием»[1]. В ходе изучения памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры у нас сложилось впечатление о возможной связи их с буртасами.

Начиная с IX в. целая плеяда арабо- и персоязычных географов включает в свои описания стран сведения о народах Юго-Восточной Европы, представлявших реальную политическую силу на исторической арене данного региона. Именно от этой силы зависела стабильность раннефеодальных государственных образований в Поволжье и на Северном Кавказе, византийских колоний в Северном Причерноморье или закавказских владений Арабского халифата, а также безопасность торговых путей в Поволжско-Прикаспийском регионе. Географические наблюдения были впоследствии объединены Б. Н. Заходером в «Каспий-

[1] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА). М.: Наука, 1967, № 142, с. 186.

ском своде», состоящем из четкого перечня народов (хазары, буртасы, булгары, мадьяры, славяне, русы и др.) и конкретных «тем», относящихся к тому или иному народу [2].

Описание страны буртасов — одна из важных частей Свода. Однако проблема буртасов, выдвинутая более 150 лет назад Х. Д. Френом, все еще остается дискуссионной, хотя было написано немало работ, предлагавших различные варианты ее решения. Достаточно подробно историография этой проблемы рассмотрена Б. А. Васильевым [3] и А. И. Поповым [4]. Почти все работы базировались преимущественно на противоречивых цифровых данных географов X—XVI вв. о расстояниях между землями буртасов, хазар и булгар, хотя, оперируя этими данными, можно, как показали Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков, предложить 64 варианта локализации буртасов [5], каждый из которых опирается на соответствующую средневековую информацию. Таким образом, на основании сведений о расстояниях между землями решить проблему не удалось.

Кроме этих сведений источники содержат существенную информацию о хозяйстве и быте буртасов, т. е. об их хозяйственно-культурном типе. Отдельные данные такого рода привлекались, как правило, лишь для подкрепления той или иной концепции. Весь же комплекс сведений о хозяйственно-культурном типе буртасов никем пока не анализировался.

Основная задача исследователей сводилась к попыткам этногенетически связать современные народы Поволжья (мордву, чувашей, мишарей, марийцев и др.) с буртасами. При этом данные IX в. прямо связывались с той ситуацией, которую рисуют источники XVI—XVII вв. Отсутствие четкого определения хронологических рамок существования буртасов и периода, когда информация о них поступала на Восток, привело к неоправданному отождествлению с ними сакалибов [6], на что уже обращал внимание В. Ф. Минорский [7]. Это же лишало хронологического фундамента привлекавшиеся для решения буртасской проблемы археологические материалы. Более того, ряд историков, предлагавших различные варианты локализации буртасов, не располагали в достаточной степени археологической информацией и не могли поэтому связать с буртасами конкретные археологические памятники. Были даже призывы к археологам «открыть» специфическую археологическую культуру буртасов [8]. В этом отношении весьма показательна работа П. Н. Черменского, который на основании сходства буртасских и финно-угорских гидронимов пытался обосновать угорскую принадлежность буртасов. При этом он не учитывал, что в бассейнах тех рек, которые, по его мнению, носят финно-угорские названия (Оскол, Нежеголь, Короча и т. д.) [9] распространены памятники салтово-маяцкой культуры.

Впервые к археологическим материалам для решения буртасской проблемы обратилась В. В. Гольмстен [10]. Она полагала, что культура оседлого земледельческо-скотоводческого народа, каким буртасов изображали восточные письменные источники, не могла бесследно исчезнуть и должна была как-то запечатлеться на месте его обитания. Стра-

---

[2] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М.: Изд-во восточн. лит., 1962, с. 25.

[3] *Васильев Б. А.* Проблема буртасов и мордва.— В кн.: Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960, с. 180—209.

[4] *Попов А. И.* Названия народов СССР. Введение в этнонимику. Л.: Наука, 1973, с. 111—121.

[5] *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.— Тр. Казан. филиала АН СССР. Казань, 1954, с. 44—63.

[6] *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. 2 ed, N. Y., 1967, p. 83.

[7] *Minorsky V.* A New Book on the Khazars.— Orients. XI/2. Leiden, 1958, p. 127—128.

[8] *Васильев Б. А.* Указ. раб., с. 209.

[9] *Черменский П. Н.* Народ буртасы по известиям восточных писателей и данным топонимики.— В кн.: Историческая география России. Вопросы географии. М., 1970, в. 83, с. 83—94.

[10] *Гольмстен В. В.* Буртасы.— Кр. сообщения Ин-та истории материальной культуры (далее — КСИИМК), 1946, 13, с. 20.

ной буртасов В. В. Гольмстен предлагала считать территорию между Самарской лукой и бассейнами рек Суры, Цны и верховьев Мокши, связывая с этим народом Краснослободский, Зубаревский, Лядинский и Крюковский могильники и, таким образом, отождествляя буртасов с мордвой-мокшей. Эту гипотезу поддержала Е. И. Горюнова, «отдав» буртасам селище XIII—XIV вв. Полянки в бассейне р. Мокши на том основании, что название «буртасы» есть в топонимике района [11]. Археологическая часть гипотезы В. В. Гольмстен была подвергнута справедливой критике А. Е. Алиховой. По ее мнению, методически неверно определять локализацию буртасов, у которых источники отмечают развитое земледелие, ссылаясь только на находки серпов и жерновов в мордовских поселениях; равным образом как и находки здесь привозных вещей сами по себе не доказывают связи с буртасами, имевшими, судя по источникам, множество «торговых мест» [12].

А. П. Смирнову гипотеза В. В. Гольмстен представлялась убедительной. Он считал, что тексты восточных сочинений о расстояниях между хазарами и буртасами хорошо согласуются с данными археологии, если поместить буртасов на территории городищ древнемордовской культуры [13], в северной части Саратовской области.

Итак, В. В. Гольмстен, Е. И. Горюнова и А. П. Смирнов по существу использовали археологические материалы для обоснования выдвинутой историками (П. С. Савельев, В. В. Бартольд и др.) «мордовской гипотезы». Но сама эта гипотеза подвергалась критике со стороны целого ряда исследователей и в настоящее время фактически отвергнута [14]. Один из главных аргументов неправомерности идентификации мордвы и буртасов,— упоминание буртасов в качестве самостоятельного народа, отличного от мордвы [15], в «Слове о погибели Русской Земли» [16] и в сочинении Рашид ад-Дина, повествующего о походе в 1236—1237 гг. золотоордынских ханов против буртасов, мокши и эрзи [17].

Иное решение буртасской проблемы предложили Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Из 64 выявленных ими возможных районов локализации буртасов они выбирают один — часть территории Среднего Поволжья, где известна буртасская топонимика. Буртасам, в которых авторы видят родственные мордве племена, априори приписываются памятники именьковской (восточно-буртасской) культуры. В построениях авторов имеется существенное противоречие. Известно, что в Мордовском и Мещерском краях географические названия, связанные с этнонимом «буртас», появились не ранее XVI—XVII вв. и «именно потому, что выделяли чуждых пришельцев — буртасов из общей массы коренного местного населения — мокшан, эрзян и мещеры» [18].

В несколько измененной форме идея Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова была развита В. Ф. Генингом. Поскольку исторические источники, по мнению автора, связывают хозяйственный уклад буртасов и физико-географические особенности их страны с лесостепной зоной, то «носители именьковского, романовского, тураевского, ош-пандинского и ножаварского археолого-этнических типов и были те, кого на востоке называли буртасами» [19], т. е. страна буртасов находилась в лесостепном Вол-

---

[11] *Горюнова Е. И.* Селище Полянки.— КСИИМК, 1947, 15, с. 106—110.

[12] *Алихова А. Е.* К вопросу о буртасах.— Сов. этнография, 1949, № 1, с. 54—56.

[13] *Смирнов А. П.* К вопросу о буртасах.— КСИИМК, 1951, 40, с. 47; *его же.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА. М., 1952, № 28, с. 157—161.

[14] Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981, с. 12—20.

[15] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965, с. 93—95.

[16] Слово о погибели Русской Земли.— В кн.: Изборник. М.: Худож. лит., 1969, с. 326—327.

[17] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей, т. 2. М., 1960, с. 38.

[18] *Попов А. И.* Указ. раб., с. 119.

[19] *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения).— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 278—294.

го-Камье. Следует, однако, отметить, что в гипотезе В. Ф. Генинга есть ряд натяжек. Прежде всего неясно, каким образом буртасам IX—X вв. могут принадлежать археологические памятники V—VII вв. и что представляют тогда упомянутые в источниках памятники буртасов, современников хазар и волжских булгар. Автор не приводит никаких доказательств локализации буртасов на левом берегу Волги в низовьях рек Камы, Зай, Белой, где концентрируются памятники тураевского и романовского типов V—VII вв. Все это делает гипотезу В. Ф. Генинга весьма уязвимой.

Наиболее раннее упоминание буртасов встречаем в сочинении Кальби, которое А. Я. Гаркави относит к 819 г. Вслед за Шармуа он предлагает отождествить упомянутый в источнике народ бурджас с буртасами[20]. Если такое отождествление справедливо, то мы можем считать, что информация о буртасах стала поступать на Восток со второй половины VIII в. Следующие по времени сведения о буртасах находим в сочинениях арабских авторов X в.— Ибн Русте, Истахри и Масуди, отражающих информацию IX в. Но уже в первой половине X в., как заметил Б. Н. Заходер, термин *буртас* требовал объяснения[21]. Действительно, Ибн Хаукаль (976 г.) писал: «В настоящее время не осталось и следа ни из булгара, ни из буртаса, ни из хазара, ибо русы напали (или истребили) всех их, отняли у них все эти области и присвоили их себе. Те же, которые спаслись от их рук, рассеяны по ближайшим местам, из желания остаться вблизи своих стран и надеясь заключить с ними мир и подчиниться им». Обычно это событие связывают со знаменитым походом Святослава на хазар в 965 г., отмеченным в русской летописи[22], однако более вероятно, что упадок буртасов начался раньше, в первых десятилетиях X в. Текстологический анализ восточных источников привел Б. Н. Заходера к выводу, что уже в начале X в., когда писали Истахри и Масуди, «союз племен, именуемый буртасами, не существовал более, а сами упомянутые авторы должны были пользоваться фиксированным, но мертвым материалом»[23]. И в этом отношении весьма примечательно, что Ибн Фадлан, проехавший в 921—922 гг. от столицы хазар до столицы булгар, ничего не знает о буртасах[24], а автор сочинения «Худуд ал-Алем», датированного 983 г., вообще смешивает информацию о буртасах и булгарах[25].

Все рассмотренные сведения о буртасах, содержащиеся в восточных источниках относятся ко второй половине VIII — началу X в. Следует оговорить, что целый ряд восточных географов XI—XII вв.— Гардизи, Бекри, Марвази, Идриси — подробно описывают буртасов как существующий народ, но все использованные ими материалы взяты или из более ранних по времени сочинений Джейхани и фактически отражают ситуацию IX в.[26], или из работ авторов, знакомых с этими сочинениями (например Исхак Ибн ал-Хусейн)[27]. К середине X в. относится и другой интересный источник, упоминающий буртасов,— письмо хазарского кагана Иосифа. Характеризуя этнополитическую ситуацию в бассейне Волги, он перечисляет обитающие здесь народы, которые платят ему дань: бурт-с (буртасы), булг-р (булгары), с-в-ар(суары), арису (мордва), ц-р-мис (черемисы), в-н-н-тит (вятичи), с-в-р (северяне) и др. Од-

[20] *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). Спб., 1870, с. 15.

[21] *Заходер Б. Н.* Указ. раб., с. 231.

[22] *Бартольд В. В.* Арабские известия о русах.— В кн.: Советское востоковедение. В. 1. М.— Л., 1940, с. 34.

[23] *Заходер Б. Н.* Указ. раб., с. 243—244.

[24] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

[25] *Minorsky V.* Ḥudūd al-Ālam. The Regions of the World. 2 ed. L., 1970, p. 460.

[26] *Minorsky V.* Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī on China, the Turks and India. Arabic Text (Circa A. D. 1120) with an English Translation and Commentary. L., 1942, p. 125.

[27] *Minorsky V.* The Khazars and Turks in the Ākām al-Marjān.— In: The Turks, Iran and the Caucasus in the Middle Ages. L., 1978, p. 149.

нако эти сведения о границах Хазарского каганата и окрестных народах относятся ко временам могущества Хазарии — VIII—IX вв.[28]

Через два века этноним «буртас» вновь появляется в источниках в качестве названия реально существующей этнической общности: буртасы упоминаются вместе с мордвой и черемисами как зависимые от киевских князей народы начала XII в. Против них в 1236—1237 гг. был осуществлен поход золотоордынских ханов, а в 1380 г. они названы в составе войск хана Мамая[29]. В русских актовых документах XVI—XVII вв. буртасы фигурируют как пришлое население в Мордовском и Мещерском краях, с которыми связана и соответствующая топонимика.

Таким образом, источники позволяют говорить о двух периодах бытования этнонима *буртас*, или двух периодах истории народа: 1) VIII — начало X в. и 2) XII—XVII вв.

В статье мы остановимся только на первом периоде. Однако важно подчеркнуть, что эти хронологические различия связаны и с различиями территориальными; локализация буртасов в первый период и во второй период их истории — две самостоятельные темы, разработка которых требует и дифференциации в использовании источников, в частности археологических.

Мысль о том, что в истории буртасов следует различать два периода, не нова. Еще Ф. Ф. Чекалин отмечал, что буртасы «по естественному ходу вещей» переселились или отодвинулись в северном направлении, ближе к лесной зоне, по соседству с мордвой-мокшей[30]. В динамике рассматривают территорию обитания буртасов М. Г. Сафаргалиев, Б. А. Васильев, А. И. Попов и др. Однако в археологических построениях, как уже говорилось, эта ситуация не учитывалась. Первым шагом в данном направлении была работа М. Р. Полесских, предложившего различать в истории буртасов два периода: ранний — VIII—X вв. и поздний — XI—XIII вв. С последним он связывает археологические памятники верховьев р. Суры (памятники типа Золотаревского городища)[31], в которых видит черты южной аланской традиции. Но истоки этой традиции, т. е. вопрос локализации буртасов в VIII—X вв. и их археологических памятников этого времени, М. Р. Полесских не исследует.

Попытаемся выявить в восточных источниках географические и хозяйственно-культурные ориентиры для локализации буртасов в VIII—X вв.

У ряда авторов есть тенденция помещать страну буртасов на берегу Волги. Для доказательств обычно отбираются только те источники, в которых на это указывается; другие же, противоречащие такому выводу, не привлекаются.

Сочинения восточных географов в этом отношении можно дифференцировать на три группы. В первую входят сочинения Ибн Русте, Гардизи, Бекри и Марвази, дающие наиболее полную информацию о буртасах. «Земля буртасов лежит между хозарскою и болгарскою землями, на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой»,— пишет Ибн Русте, а вслед за ним и все остальные авторы этой группы[32]. Как видим, Итиль — Волга здесь не упоминается как проходящая непосредственно через страну буртасов, хотя при описании Волжской Булгарии на это прямо указывается: «Болгарская земля смежна с землею буртасов. Жи-

---

[28] *Плетнева С. А.* Хазары. М.: Наука, 1976, с. 68.

[29] Полное собрание русских летописей. Воскресенский список. Т. VIII. Спб., 1859, с. 34.

[30] *Чекалин Ф. Ф.* Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам.— Тр. VIII Археологического съезда. М., 1897, т. III, с. 70.

[31] *Полесских М. Р.* Исследования памятников типа Золотаревского городища.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971; *его же.* Древнее население верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1977, с. 67—84.

[32] *Хвольсон Д. А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста. Спб., 1869, с. 19.

вут болгары на берегу реки, которая впадает в море Хазарское и прозывается Итиль, протекая между землями хозарской и славянской»[33].

Вторая группа источников утверждает, что Итиль протекает через страну буртасов. По Истахри, «Буртасы — народ, соседящий с хазарами, нет между ними и хазарами другого народа; они — люди, расположившиеся вдоль долины Атила»[34]. А Ибн Хаукаль пишет: «... восточный ее (р. Итиль.— *Г. А.*) край выходит из страны Хирхиз — протекает по землям, лежащим между каймаками и гузами, и служит естественной границей между ними. Далее она течет на запад за болгарами, затем поворачивает назад на восток, так что протекает через Рус, а затем через Болгарию; потом течет через Буртас, пока не впадает в Хазарское море»[35]. Важно отметить, что эта группа географов дает самую незначительную и разбросанную информацию о буртасах.

Третья группа источников помещает страну буртасов в стороне от Итиля. Анонимное сочинение «Худуд ал-Алем» указывает: «К востоку от них (буртасов.— *Г. А.*) — река Атил; к югу от них — хазары...»[36]. Совершенно очевидно, что в данном случае источник четко различает Итиль и расположенную к западу от него страну буртасов. То же наблюдается и в рассказе Масуди о разгроме русов в 913 г.: «Около 5000 из них спаслись и отправились на судах в страну, примыкающую к стране буртасов, где они оставили свои суда и стали на суше; но из них кто был убит жителями Буртаса, а кто попался мусульманам в стране Бургар и те убили их»[37]. В другом разделе Масуди подчеркивает: «Буртас... живет, как ранее упоминалось, на реке, названной по его имени»[38], причем эта река впадает в Итиль; это повторяет и другой восточный автор — Димашки. Таким образом, третья группа источников помещает буртасов в стороне от Итиля (к западу, по Худуд ал-Алем), на берегу одного из его притоков.

Как видно из приведенных отрывков, на вопрос, протекает ли Итиль в стране буртасов, источники второй и третьей групп отвечают неодинаково. Надо отметить и разительное различие этих источников по объему информации о буртасах вообще. Ее несравненно больше в сочинении «Худуд ал-Алем», в работах Масуди и Димашки, что, естественно, обусловливает и большее к ним доверие. Сомнение в правоте Истахри и его ученика Ибн Хаукаля, поселяющих буртасов непосредственно на Итиле, вызывает и то обстоятельство, что здесь же, на Итиле, они помещают страну русов, локализуемую исследователями значительно западнее этой реки[39]. Возможно, Итиль в сочинениях Истахри и Ибн Хаукаля имеет значение географического ориентира для всего описываемого региона — Восточной Европы. В таком контексте дается и размещение у Итиля в-н-н-тит (вятичей) и с-в-р (северян) в письме хазарского царя Иосифа[40] (первые, действительно, обитали, как показывают археологические и письменные источники, в бассейне Оки — на верхнем Дону, вторые же — на левобережье Днепра)[41].

Все это дает основание в большей степени доверять источникам третьей группы, локализующим буртасов к западу от Итиля, и контексту источников первой группы. Этот вывод, казалось бы, противоречит сообщению Масуди о том, что буртасы находятся между Хазарией и Хорезмом, но данный фрагмент, как единодушно отмечали Д. А. Хвольсон,

[33] Там же, с. 22.

[34] *Dunlop D. M.* Op. cit., p. 96.

[35] *Караулов Н. А.* Сведения арабских географов IX—X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Адербайджане.— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. В. 38. Тифлис, 1908, с. 113.

[36] *Minorsky V.* Hudūd..., p. 162.

[37] *Гаркави А. Я.* Указ. раб., с. 133.

[38] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963, с. 195—196.

[39] *Новосельцев А. П.* и *др.* Указ раб., с. 335—408; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.: Наука, 1982, рис. на с. 215.

[40] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, с. 98—99.

[41] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. М.: Наука, 1982, карта 38.

В. Ф. Минорский и Б. Н. Заходер, «весьма сомнителен и неисправен»[42].

В последние годы складывается мнение, что буртасы были кочевым или полукочевым народом. Этой точки зрения придерживаются Б. А. Васильев, Б. Н. Заходер, А. И. Попов, П. Голден[43]. Попытаемся рассмотреть приводимые ими аргументы, наиболее полно изложенные Б. А. Васильевым.

В источниках часто встречается описание погребальных обрядов буртасов. «Одни из буртасов сжигают покойников, другие хоронят»,— пишет Ибн Русте, а вслед за ним Гардизи и Марвази. Рассматривая это сообщение, Б. А. Васильев, отмечает, что такой же обряд погребения практиковался и у печенегов, а, следовательно, уводит в кочевой мир. Вряд ли этот довод можно считать убедительным. Археологические источники свидетельствуют, что во второй половине I тысячелетия н. э. обряд трупосожжения был широко распространен и у народов, которые никак нельзя отнести ни к кочевникам, ни к полукочевникам (памятники роменской, боршевской и других культур).

Другой аргумент, приводимый сторонниками кочевого образа жизни буртасов,— наличие у них многочисленного конного, вооруженного луками, войска. Обратимся к источникам. Действительно, Ибн Русте пишет: «Буртасы подчиняются царю хазар и выставляют в поле 10 000 всадников»[44]. Это повторяют Гардизи, Марвази и другие географы. Однако может ли сам факт наличия конного войска свидетельствовать о кочевом быте всего народа? Думается, что нет, особенно если учесть замечание Гардизи: «Лошадь имеет не всякий, а только очень богатые»[45]. Более того, комплекс традиционного оружия буртасов — два дротика, топор и лук — характеризует их скорее как пеших воинов, чем всадников. Можно думать, что сообщение о буртасских всадниках отражает наличие в обществе прослойки богатых дружинников, принимавших участие в военных операциях хазар.

В качестве свидетельства кочевого образа жизни буртасов нередко приводят сообщение Ибн Русте и Гардизи о том, что «Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот»[46]. Этот аргумент в свое время уже был подвергнут справедливой критике В. В. Гольмстен[47]. И действительно, кости верблюдов найдены на многих поселениях лесостепной и лесной зон Восточной Европы, занятых оседлым населением (в частности, на городищах Боршевское, Титчиха, в Булгаре, Киеве)[48].

По мнению Б. А. Васильева, доказательством подвижного характера хозяйства буртасов являются их жилища[49]. Но этот вывод явно противоречит той информации, которую дают восточные источники: «У них деревянные дома, в них они живут зимою, и шатры, в них они обитают летом»[50]. Деревянные дома никак не согласуются с кочевым бытом, так же как летние шатры совсем не обязательно должны принадлежать кочевникам. Легкие летние постройки хорошо известны по археологическим и этнографическим материалам у ряда оседлых этнических общностей Восточной Европы.

В качестве аргумента использовалось также сообщение о распространении в стране буртасов сосны. «Большая часть их (буртасов.— *Г. А.*) деревьев — хелендж»,— пишет Бекри[51]. Одни исследователи пере-

---

[42] *Заходер Б. Н.* Указ. раб., с. 235.

[43] *Golden P.* Khazar Studies. A Historico-Philological Inguiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980, p. 90.

[44] *Хвольсон Д. А.* Указ. раб., с. 19.

[45] *Бартольд В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Спб., 1897, с. 121.

[46] *Хвольсон Д. А.* Указ. раб., с. 21.

[47] *Гольмстен В. В.* Указ. раб., с. 17—25.

[48] *Кропоткин В. В.* Караванные пути в Восточной Европе.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, рис. 1; *его же.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 116.

[49] *Васильев Б. А.* Указ. раб., с. 203.

[50] *Заходер Б. Н.* Указ. раб., с. 27.

[51] *Куник А., Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. Спб., 1878, с. 62.

водят слово *хелендж* как «береза», другие — как «сосна»[52]. Поскольку сосна растет в более южных по сравнению с березой районах, сторонники второго варианта перевода считают возможным локализовать страну буртасов южнее зоны распространения березы[53]. Не касаясь вопроса о правильности перевода слова хелендж, следует сказать, что в любом случае южная граница распространения этих деревьев не выходит за пределы лесостепной зоны, а сама эта зона не соответствует представлению о кочевом характере хозяйства ее населения.

Итак, все рассмотренные аргументы не могут, на наш взгляд, служить доказательством кочевого быта буртасов. Более того, целый ряд «тем» «Каспийского свода» приводит нас к прямо противоположному выводу. Перейдем к их анализу.

Прежде всего, есть четкие указания источников на развитое земледелие у буртасов. «Занимаются они и землепашеством»,— пишет Ибн Русте[54], а Бекри сообщает об обширных пашнях[55]. Аналогичные сведения находим и в сочинении Гардизи. Исследователи, характеризующие буртасов как кочевников или полукочевников, обычно не упоминают о земледелии (за исключением Б. Н. Заходера, отмечавшего, что «источники знают буртасов — и скотоводов, и земледельцев»)[56]. Те же, кто считал буртасов оседлым населением, делали акцент именно на земледелие (Ф. Ф. Чекалин, В. В. Гольмстен, В. Ф. Генинг и др.). Следует отметить, что сочинения восточных географов не позволяют говорить о земледелии как ведущей форме хозяйства у буртасов. Но сам факт упоминания в их трудах земледелия свидетельствует о его значительной роли (особенно в контексте с сообщениями об отсутствии земледелия у соседей буртасов — русов, мадьяров, в-н-нд-ров).

Важное место в хозяйстве буртасов источники отводят животноводству. По Ибн Русте и Гардизи, «Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот»[57], а Бекри сообщает: «...и имеют они большие стада рогатого скота и овец»[58]. Но особенно важно дополнение Марвази: «Они имеют свиней и рогатый скот»[59]. Здесь весьма существенно, что свиньи упоминаются первыми. Б. Н. Заходер полагал, что это сообщение отражает не реальный факт, а брезгливое отношение мусульманина к людям, употребляющим «нечистое» свиное мясо. Возможно, это замечание Заходера связано с его взглядом на буртасов как на кочевой народ, что должно полностью исключать свиноводство. Но, следуя этим путем, можно исключить любое животное из буртасского стада в зависимости от той или иной концепции.

Итак, рассматривая в целом состав стада, надо признать, что оно характерно для оседлых животноводов южной части лесостепной зоны, пограничной со степью.

Во многих сочинениях восточных географов особо подчеркивается занятие буртасов бортничеством. Ибн Русте, Бекри и Марвази отмечают, что «главное их богатство составляет мед»[60], а Гардизи добавляет: «Плодов в этой стране нет; вино у них делается из меда»[61]. Как известно, в истории пчеловодства различают три основных этапа: пчеловодство дикое (бортевое), колодное и рамочное. Два первых этапа отражают древнейшие формы хозяйства, причем первый этап — бортничество — непосредственно связан или с использованием дупел толстых деревьев, или со специальным выдалбливанием дупел, что возможно только в лесной

---

[52] *Вестберг Ф. Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе.— Журн. Мин-ва народного просвещения, 1908, ч. XIII—XIV, февраль-март, с. 403.
[53] *Васильев Б. А.* Указ. раб., с. 203.
[54] *Хвольсон Д. А.* Указ. раб., с. 21.
[55] *Куник А., Розен В.* Указ. раб., с. 62.
[56] *Заходер Б. Н.* Указ. раб., с. 245.
[57] *Хвольсон Д. А.* Указ. раб., с. 21.
[58] *Куник А., Розен В.* Указ. раб., с. 62.
[59] *Minorsky V.* Sharaf al-Zamān..., p. 33.
[60] *Хвольсон Д. А.* Указ. раб., с. 21; *Куник А., Розен В.* Указ. раб., с. 62; *Minorsky V.* Sharaf-al-Zamān, ..., p. 33.
[61] *Бартольд В.* Отчет..., с. 121.

или лесостепной зонах. Прямая зависимость бортничества от леса в Поволжье наиболее наглядно проявилась в его резком сокращении в XVII в. в связи с вырубкой лесов. Но до настоящего времени в некоторых районах Башкирии сохранились бортевые деревья с дикими лесными пчелами. Распространение бортничества у буртасов также противоречит гипотезе об их кочевой жизни; оно указывает на лесной или лесостепной характер страны, что согласуется с приведенным сообщением о наличии у буртасов свиней.

Существенной статьей дохода буртасов является и пушной промысел. «Из страны буртас вывозят шкуры черных лисиц,— пишет Масуди,— представляющие самые ценные меха. Из них существует несколько видов: бурые и белые, не уступающие в ценности собольему и песцовому... Черные лисьи меха не встречаются нигде в мире, кроме этой страны и соседних с нею стран. Неарабские цари стараются перещеголять друг друга роскошью шуб из этих мехов и делают из них шапки и шубы, так что черные меха ценятся очень дорого. Вывозят их в Баб-ул-Абваб, Берда'а и прочие страны Хорасана. Часто вывозят их в северные страны славянских земель..., а затем везут в земли Франции и Испании. Оттуда вывозят черные и красные лисьи меха в Магриб...»[62]. По В. Ф. Минорскому и Б. Н. Заходеру, буртасы экспортировали не только мех лисиц, но и куниц, горностаев, соболей, белок и бобров. Это еще один аргумент в пользу того, что страна буртасов расположена в лесостепной зоне.

Таким образом, восточные источники дают нам следующий перечень занятий буртасов в порядке их значимости в хозяйстве: 1) охота с целью добычи пушнины на экспорт; 2) пчеловодство; 3) животноводство; 4) земледелие. Разумеется, можно усомниться в реальности такой градации значимости занятий. Восточные географы акцентируют внимание на том, что для них ново, непривычно и удивительно. Широкая слава буртасского мехового товара приводит к тому, что подсобное занятие — охота — ставится на первое место в хозяйстве. Изготовление вина из меда, что также необычно для южан, определяет место пчеловодства — второе по важности занятие буртасов. Исследовав весь комплекс сведений об особенностях хозяйства и культуры буртасов, можно определить их хозяйственно-культурный тип. Буртасы — оседлые животноводы и пашенные земледельцы, занимающиеся также подсобными промыслами — охотой и бортничеством. Этот хозяйственно-культурный тип соответствует определенному агроклиматическому району — лесостепной зоне и полностью исключает степи (если учитывать уровень развития производительных сил в VIII—X вв.).

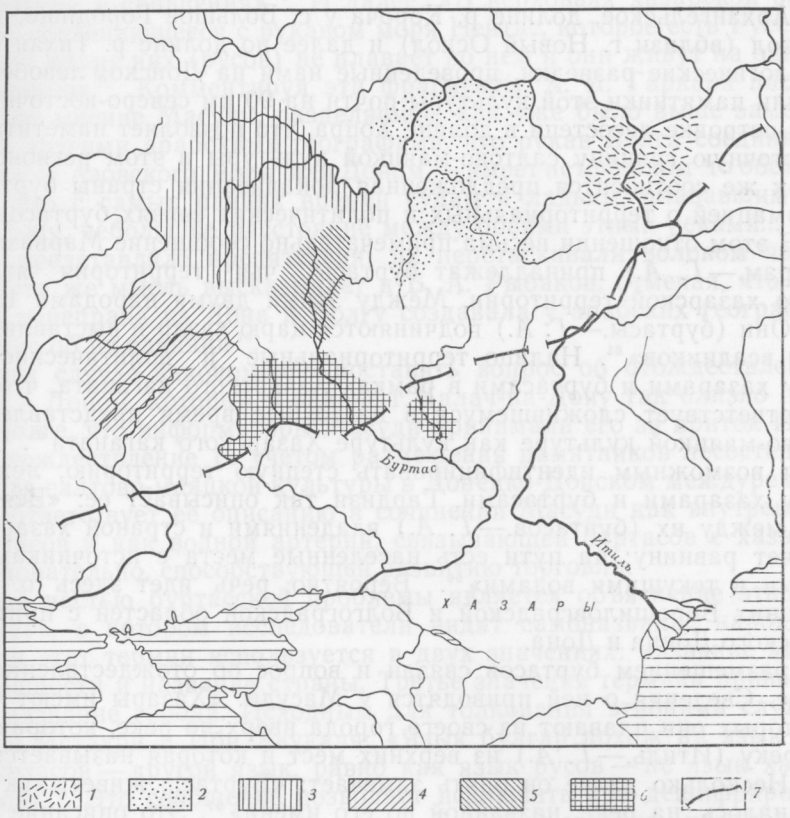
Следовательно, для локализации буртасов в первый период их истории мы имеем важные ориентиры — хронологический, территориальный и агроклиматический, ибо знаем теперь, что памятники археологической культуры буртасов должны быть, во-первых, заключены в хронологические рамки VIII—X вв., во-вторых, находиться к западу от Волги, но не на ее берегу и, в-третьих, располагаться в южной части лесостепной зоны.

К западу от Волги, где восточные источники помещают буртасов, находятся две физико-географические зоны — степь и лесостепь. Южная граница лесостепи между Днепром и Волгой проходит по линии Полтава — Балаклея — Валуйки — Россошь — Новохоперск — Саратов. Отдельные острова лесостепи вклиниваются в степную зону по долинам рек Хопер, Бузулук и Медведица — левым притокам Дона. Очерченная территория характеризуется и специфическим составом фауны, отличающимся от фауны степной зоны: здесь бобры, белки, горностаи, лисицы, куницы и т. д.[63], т. е. именно те животные, пушнину которых, согласно источникам, добывали буртасы.

---

[62] *Караулов Н. А.* Указ. раб., с. 34—35.

[63] *Кириков С. В.* Человек и природа в восточно-европейской лесостепи в X — начале XIX в. М.: Наука, 1979, с. 16—17.



Археологические культуры лесостепной зоны Восточной Европы в VIII—X вв.: *1* — памятники волжских булгар; *2* — памятники мордвы и муромы; *3* — памятники вятичей на Оке; *4* — памятники северян (роменская культура); *5* — памятники донских славян (боршевская культура); *6* — памятники лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры; *7* — граница лесостепной зоны

Археологические культуры, датируемые в рамках VIII—X вв., в этой зоне выявлены достаточно четко. К северу от Саратова по обоим берегам Волги между устьями рек Черемшан и Кама расположены памятники волжских булгар (см. карту), страна которых, как мы знаем, отличалась от страны буртасов. К западу, в бассейне рек Цны и Мокши в междуречье Суры и Оки, находятся памятники мордвы (арису царя Иосифа). Лесостепная зона Днепровского левобережья вплоть до Северского Донца занята памятниками роменской культуры, носителями которой были северяне (с-в-р царя Иосифа). В бассейне Верхнего Дона сосредоточены памятники боршевской культуры, которые отдельные исследователи связывают с вятичами (в-н-н-тит царя Иосифа).

Южная кромка лесостепной зоны между памятниками роменской культуры и мордовскими занята лесостепным (аланским) вариантом салтово-маяцкой культуры середины VIII — начала X в., который соответствует выделенным нами для локализации буртасов ориентирам — хронологическому, территориальному и агроклиматическому. Вместе с тем памятники этого варианта культуры исключают возможность отождествления их с каким-либо другим из упомянутых в источниках соседних с буртасами народов (бул-г-р, с-вар, арису, ц-р-мис, в-н-н-тит, с-в-р, с-л-виюн в письме хазарского царя Иосифа).

Итак, страна буртасов локализуется нами в границах лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры. На юго-западе она включает территории по среднему течению Мжи и далее по руслу Сухой Гомольши; на северо-западе — по долине Северского Донца в райо-

не с. Архангельское, долине р. Короча у с. Большое Городище, долине р. Оскол (вблизи г. Новый Оскол) и далее по долине р. Тихая Сосна. Археологические разведки, проведенные нами на Донском левобережье, выявили памятники этой культуры почти на 90 км северо-восточнее Дона, на островке лесостепи в долине Хопра, что позволяет наметить северо-восточную границу салтово-маяцкой культуры в этом регионе.

Как же соотносится предложенная локализация страны буртасов с информацией о территориальных и политических связях буртасов и хазар? В этом отношении весьма примечательно сообщение Марвази: «Им (хазарам.— *Г. А.*) принадлежат буртасы, чья территория является частью хазарской территории. Между этими двумя народами 15 дней пути. Они (буртасы.— *Г. А.*) подчиняются царю хазар и выставляют ему 10 000 всадников»[64]. Налицо территориальные и политические связи между хазарами и буртасами в рамках Хазарского каганата, что вполне соответствует сложившемуся в настоящее время представлению о салтово-маяцкой культуре как культуре Хазарского каганата[65]. Оказывается возможным идентифицировать степную территорию, лежащую между хазарами и буртасами. Гардизи так описывает ее: «Вся местность между их (буртасов.— *Г. А.*) владениями и страной хазар представляет равнину; на пути есть населенные места с источниками, деревьями и текущими водами»[66]. Вероятно, речь идет здесь о степях нынешних Ворошиловградской и Волгоградской областей с притоками Северского Донца и Дона.

С размещением буртасов связан и вопрос об отождествлении реки Буртас. Сведения о ней приводятся у Масуди: «Хазары имеют челны, на которых они плавают из своего города вверх по реке, которая течет в их реку (Итиль.— *Г. А.*) из верхних мест и которая называется Буртас». Несколько далее он опять замечает: «Буртас... живет, как ранее упоминалось, на реке, названной по его имени»[67]. Это описание повторяет Димашки. Речка под названием Буртас имеется на юго-западе современной Пензенской области (впадает в Вышу, приток Цны), и в пользу ее отождествления с рекой, упомянутой Масуди, высказался еще П. С. Савельев[68]. Такое отождествление отверг Д. А. Хвольсон, полагая, что р. Буртас слишком мала для плавания хазарских лодок. Добавим к этому, что буртасская топонимика, как установлено исследователями, в этом районе появилась поздно. Сам же Д. А. Хвольсон высказал предположение, что р. Буртас восточных географов — это часть Камы и Волги. С р. Буртас И. Маркварт отождествлял р. Самару[69], В. Ф. Минорский — верхнее течение Волги, Оку, или Дон[70], А. Е. Алихова, исходя из кавказской гипотезы локализации буртасов,— Маныч (последнее подверг критике А. П. Смирнов)[71].

Попытаемся отыскать р. Буртас с позиции предложенного определения страны буртасов. Из описания Масуди и Димашки ясно, что это многоводная судоходная река, приток Итиля, который должен, как было показано ранее, располагаться к западу от Итиля. Но ни в среднем, ни в нижнем течении Волги между хазарами и волжскими булгарами таких притоков нет. И здесь, вероятно, следует вспомнить рассказ Масуди о протоке, соединяющем Итиль с Русским морем: «Я же видел, что большая часть занимавшихся описанием морей из древних и новых упоминают в своих сочинениях, что рукав Кустантинии, выходящий из Майотаса, соединяется с Хазарским морем; но я не знаю, как это возможно и откуда они это взяли, путем ли собственного наблюдения, путем ли

[64] *Minorsky* V. Sharaf al-Zamān..., p. 33.
[65] *Плетнева С. А.* От кочевий..., с. 189.
[66] *Бартольд В.* Отчет..., с. 121.
[67] *Минорский В. Ф.* Указ раб., с. 195—196.
[68] *Савельев П. С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. Спб., 1847, с. 65, прим. 109.
[69] *Marquart J.* Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 396, Anm. 2.
[70] *Minorsky V.* Hudūd..., p. 462—463.
[71] *Алихова А. Е.* Указ. раб., с. 53; см. также: *Смирнов А. П.* К вопросу о буртасах, с. 47.

умозаключения и сравнения»[72]. И далее: «В верховьях хазарской реки есть устье, соединяющееся с рукавом моря Нейтас, которое есть Русское море; никто кроме них (русов) не плавает по нем и они живут на одном из его берегов»[73]. Комментируя эти фрагменты, А. Я. Гаркави писал: «Ошибочное мнение Масуди, разделяемое, как уже было выше замечено, также другими арабскими географами, что рукав Волги соединяется с рукавом Азовского моря или Доном,— имеет источником то обстоятельство, что с самых ранних времен судам и ладьям, плававшим по Волге и Дону, небольшое расстояние между обеими этими реками... никогда не представляло препятствия: их перетаскивали волоком через сушу»[74]. Эту же мысль высказывает и Б. А. Рыбаков, отмечая, что наезженная переправа из Дона в Волгу создавала у арабских географов впечатление об их слиянии[75].

В таком случае закономерно поставить вопрос об отождествлении р. Буртас с Доном, который в районе г. Калач-на-Дону так близко подходит к Волге, что информаторы Масуди принимали его за приток Итиля. Это отождествление (с учетом размещения памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры в Донецко-Донском междуречье) вполне соответствует ее описанию в сочинении Масуди как внутренней реки буртасов и как водной артерии, связывающей буртасов с хазарами и, следовательно, способствующей развитию торговли.

Важной частью буртасской проблемы является объяснение этнонима «буртас», в котором исследователи видят самоназвание народа[76]. У Истахри этот термин используется в двух значениях: название этнической общности и название страны. Третье значение термина приводит Иакут — название города. Исходным для толкования этнонима служит сообщение Истахри и Ибн Хаукаля: «Язык булгар похож на язык хазар, у буртасов — другой язык, равно как язык русов — не язык хазар и буртасов»[77]. Это сообщение позволяет исключить при дешифрировке этнонима тюркские и славянские языки. С другой стороны, предложенная связь буртасов с аланской этнолингвистической общностью дает основание объяснить этноним из иранских языков. Однако первая попытка толкования термина *буртас* была сделана В. Сбоевым на основе чувашского языка. Исследователь видел в слове *буртас* древнюю форму глагола *бурнас* в значении «жить, быть оседлым»; отсюда *буртас* — это «обитаемое место, жилище, становище»[78]. Перевод В. Сбоева не получил признания. Следующая попытка была предпринята В. Томашеком, переводившим слово *буртас* от староиранского *mrtāsa* — «людоеды». Против такого толкования выступил И. Н. Смирнов[79]. А. В. Марков связывал этноним *буртас* с финским словом *purdas* — «мост», имеющим иранское происхождение (авестийское *pərətu*)[80], но, по мнению Б. Н. Заходера, это чтение принять трудно. В. Ф. Генинг[81], предположив, что термин буртас сложносоставной, предлагает четыре варианта его чтения и в каждом оказывается отраженной взаимосвязь двух этносов — уральского (фратриальное имя Бор/Пор) и монголо-тюркского (Тас-Ас).

В арабо-персидской географической литературе встречаются несколько разновидностей написания термина буртас: б-ртас, б-рдас, б-радас,

---

[72] *Гаркави А. Я.* Указ. раб., с. 128.
[73] Там же, с. 130.
[74] Там же, с. 153.
[75] *Рыбаков Б. А.* Указ. раб., с. 210.
[76] *Попов А. П.* Буртасы и мордва.— Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. В. 2. Л., 1948, с. 209.
[77] *Dunlop D. M.* Op. cit., p. 98.
[78] *Сбоев В.* Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношении (их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр.). М., 1865, с. 184.
[79] *Смирнов И. Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895, с. 40—41.
[80] *Марков А. В.* Отношения между русскими и мордвой в истории и в области народной поэзии в связи с вопросом о происхождении великорусского племени.— Изв. Тифлисских высших женских курсов. Кн. 1. В. 1. Тифлис, 1914, с. 19.
[81] *Генинг В. Ф.* Этническая история Южного Прикамья в I тыс. н. э. Дис. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. Свердловск: Ин-т археологии АН СССР, 1973 (хранится в архиве ИА, Р-2, № 2144, с. 260).

ф-рдас, ф-ртас. К этому можно добавить бур-т-с хазарского царя Иосифа. Разнообразие графических форм термина буртас показывает, как отмечал Б. Н. Заходер, что название буртасы не укладывается точно в арабскую графическую систему и что, возможно, оригинал этого изображенного арабской графикой имени звучал несколько иначе, чем русское буртас. Ранее другой известный знаток восточных источников, В. Ф. Минорский, допускал, что первоначальной была употребляемая Бекри форма — фурдас. Интересно, что эта форма сохранялась вплоть до XVII в. Так, в сочинениях Рази упоминается древний народ фуртасы.

Если согласиться с В. Ф. Генингом, что данный этноним состоит из двух частей — *бурт/фурт+ас*, то первая часть может быть понята (из иранских языков) как «сын» (по аналогии с авестийским *puθra*, санскритским *putra*, скифским *furt*, осетинским *фырт*, персидским *pūr*), причем некоторые различия в значении первой (п — ф) и третьей (т — д) согласных отражают фонетические особенности осетинского языка: древнеиранскому «п» в осетинском соответствует «ф», а звук «т» может переходить в «д»[82]. Вторая часть этнонима *-ас-* не нуждается в специальном пояснении. Это язиги, язаматы, яксаматы античных источников, аштигор «Армянской географии» VII в., оси-овсы грузинских источников, асы персидских, арабских, византийских и китайских источников, ясы русских летописей, яз-ок венгерских источников[83]. Сказанное позволяет предположить, что этноним *бурт/фурт-ас* можно перевести как «сын асский». Такое словообразование характеризует древнее состояние синтаксиса осетинского языка, когда «определение стояло позади определяемого»[84], что наглядно иллюстрируется сложными словами *батыр-ас* — «богатырь асский» и *сари-ас* — «вождь асский». И здесь не лишним будет вспомнить, что сложносоставные этнонимы с элементом *ас* были известны в арабо-персидской литературе уже в X в., их использовали для обозначения аланской этнолингвистической общности. Например, упомянутое у Ибн Русте главенствующее аланское племя *рухс-ас* — «светлые асы», чьи генетические корни уходят к роксаланам, а также народ *тул-ас*, в котором одни исследователи видят туальцев Южной Осетии, а другие — имя аланского князя Дула[85].

Подведем некоторые итоги. В результате исследования получены ключевые, на наш взгляд, ориентиры для определения этнической территории буртасов: выявлены хронологические рамки первого периода истории народа, характер физико-географической зоны, где находилась страна, расположение этой страны по отношению к Волге и, наконец, хозяйственно-культурный тип буртасов. Нам представляется, что есть все основания связать с буртасами лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры. Эта связь подтверждается также правомерностью отождествления р. Буртас с Доном. Да и само понимание салтово-маяцкой культуры как культуры Хазарского каганата соответствует описанному в источниках территориальному и политическому союзу между хазарами и буртасами. Согласуется с нашим выводом и предложенный вариант перевода этнонима «буртас» сложносоставным словом бурт/фурт-ас, означающим название аланских племен Северного Кавказа — асов, которые в середине VIII в. мигрировали в лесостепную зону бассейна Среднего Дона, приняв участие в формировании салтово-маяцкой культуры. Археологически этот процесс достаточно хорошо фиксируется как на Северном Кавказе, где в середине VIII в. прекращается функционирование большой группы аланских катакомбных могильников и соответствующих поселений в районе Кисловодской котловины[86], так и в лесо-

[82] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949, с. 15, 209—211; автор пользуется случаем поблагодарить В. И. Абаева за консультацию по вопросам лингвистики.

[83] *Гаглойти Ю. С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966, с. 167—221.

[84] *Абаев В. И.* Указ. раб., с. 232, 233.

[85] *Minorsky V.* Hudūd..., p. 445.

[86] *Афанасьев Г. Е.* К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры.— В кн.: Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.

степной зоне, где в это же время появляются катакомбные могильники и поселения, связываемые с аланской этнической общностью [87]. Характерно, что в этнониме «буртас» отражена этногенетическая связь аланского населения лесостепной зоны бассейна Среднего Дона с аланской (асской) общностью Северного Кавказа.

[87] *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981, с. 62—74.

В. Г. Стельмах

ХОЗЯЙСТВО ИНДЕЙЦЕВ США НА РУБЕЖЕ XIX—XX СТОЛЕТИЙ

Выбор данной темы не случаен: многие социокультурные проблемы индейцев США связаны с длительной обособленностью и однобоким развитием их хозяйства. Между тем эволюция хозяйственных занятий индейцев в условиях капитализма изучена недостаточно. Американские исследователи обычно рассматривают архаические формы хозяйства и их пережитки у аборигенного населения, лишь констатируя факт интеграции его в экономику страны [1]. Исключением является Л. Карлсон, в работе которого предпринята попытка изучения влияния закона Дауэса (1887 г.) на развитие сельского хозяйства в индейских резервациях [2].

Хотя советские этнографы неоднократно затрагивали различные стороны адаптации хозяйства этнических меньшинств к окружающим условиям в связи с исследованием проблем социального строя аборигенов США [3], специально этот вопрос не изучался.

Задача настоящей статьи — рассмотреть развитие хозяйства индейцев на рубеже XIX—XX вв., в период интенсивного экономического освоения западных областей США, ускорившего процесс вовлечения обособленного в целом хозяйства индейских общин в экономическую жизнь страны.

Условия жизни, демографические тенденции, общие черты хозяйственного развития индейских племен

К 90-м гг. XIX в. индейское население США, по данным 11-й переписи, насчитывало 248,2 тыс. человек. В результате систематического вытеснения с исконных этнических территорий, проводившегося федеральным правительством с 30-х гг. прошлого века, 78% индейцев проживало в восьми штатах: Оклахома, Аризона, Нью-Мексико, Южная Дакота, Калифорния, Вашингтон, Монтана и Висконсин, которые, исключая последний, расположены к западу от Миссисипи. У индейских племен оставалось около 121,0 млн. акров земли, из которых 104,3 млн. были распределены между 162 резервациями, а остальные принадлежали главным образом пяти «цивилизованным племенам» Оклахомы (чироки, чокто, чикасо, крики и семинолы) и не имели статуса резерваций. 171,5 тыс. индейцев (76%) считались трудоспособными (такими по офи-

[1] *Castetter E.* Yuman Indian Agriculture. Albuquerque, 1951; *Hill W.* Navajo Pottery Manufacture. Albuquerque, 1937; Acculturation in Seven American Indian Tribes/Ed. *Linton R.* Gloucester, 1963; *Wissler C.* Indians of the U. S. N. Y. 1940; *Spicer E.* Cycles of Conquest. The Impact of Spain, Mexico and U. S. on Indians of the Southwest. Tucson, 1962; *Washburn W.* The Indian in America. N. Y., 1975.

[2] *Carlson L.* Indians, Bureaucrats and Land. Westport, 1981.

[3] См., например: *Аверкиева Ю. П.* Индейское кочевое общество XVII—XIX вв. М.: Наука, 1975.